

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №28

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347.514.1

Алпатов Максим Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов
licyidator@mail.ru
Alpatov Maxim
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

**ВЗЫСКАНИЕ ЧИСТЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УБЫТКОВ (PURE
ECONOMIC LOSS) - ПЕРЕВОРОТ В ДОГМАТИКЕ ИЛИ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИНСТРУМЕНТ КОРРЕКТИРУЮЩЕЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Аннотация: учение о взыскании чистых экономических убытков является одним из сложнейших вопросов деликтного права. Проблема в восприятии данного института складывается в силу различных факторов – неправильного понимания исторических детерминантов, отсутствие конвенционализма в определении абсолютного права и размытия границ между договорным и внедоговорным вредом. Настоящая работа представляет собой попытку доктринального осмысления данной доктрины через призму цивилистической догматики.

Ключевые слова: деликтное право, чистые экономические убытки, европейская традиция частного права, абсолютное право, генеральный деликт.

RECOVERY OF PURE ECONOMIC LOSSES - A COUP IN DOGMATICS OR EXCLUSIVELY AN INSTRUMENT OF CORRECTIVE JUSTICE

Annotation: The doctrine of the recovery of pure economic loss is one of the most difficult issues in tort law. The problem in the perception of this institution arises from various factors - misunderstanding of historical determinants, lack of conventionalism in the definition of absolute rights and blurring of the boundaries between contractual and non-contractual damage. The present work represents an attempt of doctrinal comprehension of this doctrine through the prism of a civil dogmatic.

Key words: tort law, european tradition of private law, pure economic loss, absolute rights, general tort.

Взыскание чистых экономических убытков (pure economic loss) является частным случаем реализации деликтного притязания управомоченным субъектом. Споры, относительно природы, понятия и допустимости данного способа защиты являются одними из самых обсуждаемых в зарубежной цивилистике. Зачастую, под pure economic loss понимается ущерб, причиняемый лицу без нарушения его абсолютных прав [11, с. 5]. Данное понятие, хоть и является одним из самых удачных, в тоже самое время, не является единственным, поскольку выделение абсолютных прав не выступает в качестве неотъемлемой части правопорядка всех правовых семей. Это особенно ярко проявляется на примере англосаксонских стран, в которых нет понятия абсолютных прав, но есть понятие pure economic loss. Однако данному факту не стоит уделять серьезного внимания, поскольку при отсутствии перечня абсолютных прав, страны общего права под деликтную защиту ставят ровно те же самые права, что и страны континентального права [6, с. 173].

Существует 3 подхода к возможности взыскания чистых экономических убытков. Первый подход – консервативный (условно немецкий). Деликтный иск предоставляется только в случае нарушенных абсолютных прав [4, с. 486].

Возможность взыскания чистых экономических потерь прямо заблокирована, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом [7, с. 243]. Второй подход – сдержанный. В рамках него к возможности взыскания чистых экономических относятся скептически. К таким странам относятся Англию, США и другие страны англосаксонской правовой семьи. В целом, данные правовые порядки допускают возможность их взыскания, но только в отдельных случаях (case-by-case), приводя в аргумент так называемое открытие шлюзов (т.е. ситуация, при которой активная легитимация на иск появится у огромного количества лиц, что сделает невозможным судебное разбирательство данных дел). Еще один аргумент, который представители юридической науки данных стран высказывают против *recovery pure economic loss* - неконтролируемый размер убытков, которые могут быть взысканы, хотя в отношении этого зачастую приводится контраргумент о непредвидимости убытков, но он не всегда работает. В случае же, когда точно известен круг лиц, имеющих право на возмещение таких потерь, суды допускают их взыскание [10, с. 1252]. Третий подход – (либеральный) условно можно назвать французским. Во Франции реализован принцип генерального деликта, который дает очень широкое понимание институту внедоговорного вреда, связанного с нарушением прав. Причем необязательно чтобы в силу закона данные права назывались абсолютными. Любое действие, посягающее на правомерный интерес лица, носящее противоправный характер, может быть признано деликтом, в связи с чем потери, образующиеся в следствии этого действия, подлежат возмещению [15, с. 970]. Именно это называется концепцией генерального деликта, которая требует для взыскания ущерба только классического состава гражданско-правового нарушения: противоправное действие, вред, причинно-следственную связь, а также вину лица.

На первый взгляд может показаться, что институт взыскания чистых экономических является чужеродным гражданскому праву. И действительно, в классических представлениях деликтное притязание существует только там, где

нет договорных правоотношений и есть нарушенное абсолютное право лица. Такие рассуждения могут привести нас к немецкой концепции деликта. Однако при всём изяществе данной логики стоит отметить, что последовательное ее проведение может приводить к явно несправедливым результатам – нарушение права есть, однако в силу того, что данное право не подпадает под понятие абсолютного права, а нарушитель не состоит в правоотношениях с потерпевшим, у второго не остается никаких средств защиты. Представим такую ситуацию: некое лицо уничтожает движимую вещь, которая была сдана в аренду. Арендодатель безусловно сможет взыскать убытки, поскольку это была вещь, на которую он имел абсолютное право. Но ведь и у арендатора есть свой субъективный интерес, который также заслуживает внимание правопорядка. Эта вещь вполне могла им использоваться для ведения хозяйственной деятельности, которая обеспечивала его денежными средствами. Отсутствие в данном случае возможность взыскать чистые экономические убытки будет явно несправедливой. Неудивительно, что несмотря на общее правило немецкого правопорядка, которое было описано выше, он признает абсолютный характер за некоторыми субъективными правами, которые точно нельзя отнести к абсолютным. Это так называемое *Recht am eingerichteten und ausgeübten Gewerbebetrieb* (право на основание и ведение коммерческого предприятия) и *Anwartschaftsrechte* (ожидаемое право) [14, с. 34].

Одним из часто встречающихся аргументов против *recovery pure economic loss* выступает их несоответствие общим правилам европейской традиции частного права. Однако при детальном рассмотрении окажется, что он вполне вписывается в общую схему построения гражданского права. Подтверждение данному тезису можно встретить еще в римских текстах – закон Аквилы (*lex Aquilia*) 286 г. до н.э. Сам по себе закон является набором казусов, из которых сложно вывести общую нормы. Однако это не умоляет его юридической ценности. По сути, данный закон заложил ядро деликтной ответственности в ее современном понимании. Самый же главный фрагмент

находится во второй главе. Она предусматривала ответственность *adstipulatora* за прощение долга во вред основному кредитору посредством *acceptilatio* [5, с. 618-619]. По существу, здесь может обсуждаться договорная ответственность, так как данные отношения сводились к процессуальному представительству. Но римское право по этому пути не пошло, признавая деликтную природу данного притязания. В виду этого можно сделать вывод, что это было первой догматической попыткой признания возможности взыскания чистых экономических убытков. Через деликтную природу данный казус раскрывает и R. Zimmerman, причем дополнительно отмечая, что вторая глава *lex Aquilia* была направлена на возмещение чисто материального ущерба вне связи с договорными отношениями [16, с. 958]. По тому же пути шли и цивилисты средневековья, в процессе использования римских наработок, в том числе и *lex Aquilia*. [12. с. 29]. И только последующая правовая традиция за счет отточки догматики вывела деликтное притязание как последствие нарушение абсолютного права. Таким образом, можно сделать вывод, что аргумент об исторически-сложившейся правовой традиции в контексте запрещения взыскания чистых экономических убытков не имеет под собой какого-либо значительного обоснования.

Еще одним аргументом против взыскания чистых экономических убытков является так называемая проблема открытых шлюзов. Суть заключается в том, что если правопорядок очень либерально смотрит на возможность взыскания чистых экономических потерь, то может возникнуть ситуация, при которой активную легитимацию на иск получит огромное количество субъектов, что может привести к полному разорению нарушителя. Допустим: одна строительная фирма при ремонте дома случайно повредила водонапорную башню. В результате этого часть дороги была затоплена. Появилось огромное количество субъектов, которым пришлось увеличивать свои издержки на новый путь. Справедливо ли взыскивать в такой ситуации экономические убытки в отношении всех лиц, у которых возникли чисто

экономические потери. Ведь это с огромной долей вероятности повлечет за собой банкротство правонарушителя.

Эта проблема действительно заслуживает внимания. Часто предлагается следующий вариант решения - для взыскания чистых экономических убытков нужно установить: во-первых, грубую небрежность либо умысел, а во-вторых направленность действия на нанесение чисто экономических потерь. В противном случае должен последовать отказ в иске. [13, с. 263]. Такой подход кажется вполне логичным и в целом решает одну очень важную проблему – вопрос вины делинквента. Он позволяет взыскать чистые экономические убытки только там, где это кажется наиболее справедливым решением. Однако и он требует уточнения и значительной корректировки. Как только мы затрагиваем проблему открытых шлюзов нам сразу же предстоит решать вопрос о причинно-следственной связи, поскольку активная легитимация субъектов на иск происходит именно из-за специфики причинно-следственной связи между правонарушением и возникшими финансовыми потерями лиц.

При причинении чистых экономических убытков наблюдается довольно интересное явление – раздваивание причинно-следственной связи. С одной стороны, у нас есть противоправное действие, объект, которому нанесен вред и причинно-следственная связь, в результате чего образуются consequential economic loss (косвенные экономические убытки), но с другой стороны, есть и финансовые потери другого лица, чьему абсолютному благу ущерб не был нанесен, но финансовые потери возникли (pure economic loss) [9, с. 6] В такой ситуации юридическая предвидимость наступления убытков, (которая является condition sine qua non для гражданско-правовой ответственности) [8, с. 908] как правило, наблюдается только в первом случае, а именно при consequential economic loss. Во втором же случае ситуация намного сложнее. Какие-либо события могут породить огромные цепочки причинно-следственных связей, которые едва ли могут быть предвидимы сторонами в момент нарушения абсолютного права. Предвидеть их все является практически невозможным.

Может показаться, что данные размышления должны однозначно наводить на мысль о тотальной недопустимости взыскания чистых экономических убытков. Однако это не разрушает концепцию взыскания чистых экономических убытков. Напротив, *Recovery pure economic loss* находит в них своё оправдание и за счет этого однозначно заслуживают поддержки правом порядком. Для пояснения данного тезиса стоит обратить внимание на следующее.

При взыскании чистых экономических убытков стоит различать 2 ситуации: когда круг активно управомоченных субъектов на взыскание финансовых потерь неизвестен и может достигать огромного количества лиц и случаи, когда активно-легитимированное лицо определено или может быть определено с разумной степенью достоверности. Первый пример нас мало интересует, так как в таком случае тест на предвидимость вряд ли будет пройден, да и выявить направленность умысла или грубой небрежности на причинение чистых экономических потерь всем лицам является практически невозможным. Применение при взыскании такого рода чистых экономических убытков презумпция вины, презумпция умысла и возможность вменения гипотетической причинно-следственной связи, выработанные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 №7 [1], вряд ли подойдут. Второй же пример является более интересным. В таком случае лицо вполне может предвидеть, что его действия нанесут вред конкретному лицу. Именно в таких ситуациях взыскание чистых экономических убытков начинает выполнять функцию корректирующей справедливости. В подобных делах зачастую Английские суды и взыскивают чистые экономические потери. Казусы первой категории практически всегда остаются без удовлетворения.

Однако возникает еще один интересный вопрос, который поднимался ранее – а именно вопрос виновности. Если в казусах первой группы безусловно нужна вина, причем в двух ее наиболее жестких формах, то в казусах второй группы — это кажется уже не таким очевидным. Чисто теоретически возможна ситуация, при которой делинквент совершит противоправное действие, но в

нем не будет ни умысла, ни неосторожности, однако будет довольно четко определено лицо, которому гипотетически могут быть причинены чистые экономические убытки. В такой ситуации следует придерживаться сдержанности и не допускать взыскания чистых экономических убытков. В противном случае взыскание чистых экономических убытков может превратиться в неконтролируемый поток исков, которые в силу подобных доктринальных соображений будут удовлетворяться, тем самым разрушая устойчивость гражданского оборота.

Говоря об отечественном правопорядке, нельзя не отметить, что в ст.1064 ГК РФ, которая служит отправной точкой деликтной ответственности, говорится о возможности взыскания причиненного ущерба в результате причинения вреда личности, здоровью, имуществу. На первый взгляд может показаться, что законодатель пошел по немецкому пути, запрещая взыскивать деликтными притязаниями потери, которые образуются вне посягательства на абсолютные права. В тоже самое время судебная практика данный подход не поддержала. По пути допустимости взыскания *pure economic loss* пошел и Верховный Суд РФ в определениях от 22 декабря 2021 № 303-ЭС16-19319 (дело Бомарше) [2], от 11 мая 2018 № 306-ЭС17-18368 (дело Магадан-тест) и т.д. Верховный суд РФ в данных кейсах признал право взыскать чистые экономические убытки с лиц [3], не являющихся контрагентами истца. Однако, стоит сказать, что в данном случае не наблюдается проблемы открытых шлюзов, о которой писалось выше, так как круг активно-легитимированных на иск субъектов был довольно четко очерчен. Помимо этого, в деле Магадан-тест, в мотивировочной части определения суд, помимо выводов о возможности применения деликтного иска, делает отсылку на нарушение деликвентом абсолютного права. Возможно Верховный суд РФ употребил данную формулировку ввиду своего нежелания отходить от концепции возмещения вреда, причиненного деликтом лишь в случае нарушения абсолютного права, а потому использовал своеобразную фикцию, для того, чтобы получить

юридически полезный результат и в тоже самое время не ломать существующую догматику. Либо же суд попытался ввести в оборот новое абсолютное право, прямо его не назвав. При этом, в деле Бомарше отсылки на нарушение абсолютного права уже нет. Речь идет лишь о неправомерных действиях и ущербе вследствие их совершения. Это уже больше походит на принцип генерального деликта, хотя в тоже самое время и здесь круг активно управомоченных на иск субъектов довольно четко очерчен. В целом, такой подход напоминает ту самую осторожность, которую проявляют английские суды при взыскании чистых экономических потерь.

Подводя итог, можно сказать, что чистые экономические потери не являются новым открытием цивилистики 21 века, так как их взыскание имеет под собой прочную историческую основу и надежное догматическое основание. Практически на всем протяжении исторического развития их взыскание допускалось, но с большой осторожностью. Поэтому усмотреть в *recovery pure economic loss* переворот в существующей догматике довольно сложно. По сути, повсеместное распространение практики их взыскания показывает новые вехи в политике права, ее направленность на коррекцию поведения участников гражданского правоотношения в целях достижения модели корректирующей справедливости. Данный институт должен применяться с большой степенью осторожности, поскольку в противном случае его компенсационная функция превратится в неконтролируемый произвол и повлечет за собой серьезные социально-экономические провалы.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.

2. Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2021 № 303-ЭС16-19319(9) по делу № А51-273/2015 // Доступ из СПС Консультант Плюс
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.05.2018 по делу № 306-ЭС17-18368 по делу А57-15013/2016 // Доступ из СПС Консультант Плюс
4. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
5. Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. ран, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма. 2002. 784 с.
6. Копяков А. А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. №1. С. 146 – 196.
7. Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы // Вестник гражданского права. 2012. №6 С. 231 - 291.
8. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1582 с.
9. Boom van W., Koziol. H., Witting Ch. A. (eds) Tort and Insurance Law vol. 9 / edited by European Centre of Tort Insurance Law. – Wien: Springer-Verlag, 2004. 208 p.
10. Burrows A. English private law: Oxford principles of English law. Third edition. – Oxford University Press. 2013. 2561 p.
11. Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 589p.

12. Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident?. – Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 25-57.
13. Martin-Casals M. The Borderlines of Tort Law. Interactions with Contract Law. – Cambridge: Intersentia, 2019. 845 p.
14. Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB.– München: C.F. Müller Verlag, 518s.
15. Terré, F. Droit civil: Les obligations. / F. Terré, Ph. Simler, Y. Lequette, F. Chénéde. 12e éd. – Paris: Dalloz Editions, 2019. 2036 p.
16. Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civil Traditions / Cape Town: Juta & Co Ltd, 1996. 1241 p.